

ИММАНУИЛ ВАЛЛЕРСТАЙН

Существует ли в действительности Индия?¹

Мой вопрос о том, «существует ли в действительности Индия» выглядит на первый взгляд абсурдным. В современном мире есть политическое образование, которое называется Индия, следовательно, Индия, безусловно, существует. Но он не будет абсурдным, если мы поставим его онтологически, аналогично античной теологической постановки вопроса о том, «существует ли в действительности Бог»? Если Индия в действительности существует, откуда мы знаем об этом?

Давайте начнем с обратного предположения. Давайте на секунду вообразим, что произошло, если бы в период 1750–1850 гг. англичане колонизировали преимущественно территорию старой Империи Великих Моголов, назвав ее Хиндустаном, а французы одновременно заняли бы южные (преимущественно населенные дравидами) регионы нынешней Республики Индия, дав им наименование Дравидия. Считали бы мы сегодня после этого, что Мадрас являлся исконной «исторической» частью Индии? Использовали бы мы вообще это слово Индия? Я думаю, что нет. Вместо этого ученые со всего мира, вероятно, строчили бы пухлые тома, доказывающие, что с незапамятных времен Хиндустан и Дравидия были двумя принципиально различными культурами, народами, цивилизациями, нациями или как-то иначе отличались каким-нибудь другим образом. Конечно, в этом случае были бы какие-нибудь хиндустанские ирредентисты, которые время от времени выдвигали бы требования к Дравидии во имя создания «Индии», но

¹ Печатается с любезного разрешения автора по тексту: Wallerstein I. Does India Exist? // Wallerstein I. *Unthinking Social Science*. Cambridge: Polity Press, 1991. P. 130–134. В основу статьи положено выступление на секции «Историческая социология Индии» на II Всемирном социологическом конгрессе 18–23 августа 1986 года (Нью-Дели, Индия). Данная работа вошла в итоговый сборник наиболее важных публикаций автора: Wallerstein I. *The Essential Wallerstein*. New York: The New Press, 2000. P. 310–314.

наиболее здравомыслящие люди называли бы их безответственными экстремистами.

Мой вопрос далее состоит в следующем. Каким образом то, что исторически произошло в период 1750–1850 гг. воздействует на то, что случилось, ну, скажем, в период между VI веком до н. э. и 1750 г., который рассматривается сейчас в качестве общепринятых рамок досовременного периода индийской истории? Это важно по той причине, что то, что случилось в отдаленном прошлом, всегда является следствием того, что произошло в недавнем прошлом. Настоящее определяет прошлое, но никак не наоборот, как пытаются убедить нас существующие логико-дедуктивные аналитические схемы.

Я бы хотел выдвинуть три тезиса. Хотя все они будут касаться Индии, в равной степени они будут правильными, если мы заменим ее, скажем, на Пакистан, Англию, Бразилию или Китай. То, что я хочу сказать об Индии, не является специфической особенностью исключительно ее истории, а является общим свойством почти всех ныне существующих суверенных государств, членом ООН.

Первый тезис состоит в том, что Индия является порождением современной мир-системы. Функционирование капиталистической мир-экономики предполагает существование некоей политической надстройки из суверенных государств, связанных и узаконенных межгосударственной системой. Так как такой системы ранее не существовало, ее нужно было построить. Процесс же строительства был длительным сразу в нескольких отношениях. Такого рода система первоначально возникла только в одной части земного шара, в основном в Европе, где-то в период 1497–1648 гг. Далее она периодически расширялась, включая в себя все новые и новые географические зоны. Этот процесс, который мы можем назвать «инкорпорацией» новых зон в капиталистическую мир-экономику, включал в себя перестройку политических границ и структур включаемых зон и предполагал создание там «суверенных государств – полноправных членом межгосударственной системы», или, как минимум, образование колоний (потенциальных кандидатов на звание суверенного государства).

Этот процесс был длительным и в другом отношении. В течение последних 500 лет происходило последовательное упрочение самого каркаса межгосударственной системы. С одной стороны, были очерчены границы и четко определены ее полномочия. С другой стороны, было четко установлено, что есть «государственность» самих суверенных государств, определены и отточены их государственные полномочия. Следовательно, мы постепенно двигались в сторону все более «крепких» государств, сковываемых объятиями и все более «крепкой» межгосударственной системой.

В рамках такой оптики мы могли бы сказать, что Индия как единое «суверенное государство» отчасти было творением самих англичан в период 1750–1850, но не только их одних. Другие «великие держа-

вы» (такие как Франция) также внесли в это свой вклад, по крайней мере, в той степени, в какой они признавали ее международно-правовую реальность, и были не в состоянии изменить сложившиеся линии территориальных разделений. Но прежде всего в этот процесс создания «Индии» было вовлечено население Индийского субконтинента. Существовавшие там политические структуры, различные по своей военной и социальной мощи, тем или иным образом сопротивлялись или содействовали этому процессу. Англичане начинали не с «чистого листа», а вели борьбу с уже существовавшими там реальными социально-политическими структурами. Действительная история является комплексным процессом, и ее конкретный итог возникает в качестве следствия такого процесса во всем его сложном своеобразии. Это означает, например, что итоговая конфигурация территориальных размежеваний ничуть не является predetermined, и все, что могло возникнуть в итоге, могло бы стать тем политическим образованием, которое мы знаем сейчас в качестве Индии. Был бы, например, Непал включен в тот период в состав такой «Индии», мы бы говорили о непальском народе / нации / культуре не больше, чем мы говорим сегодня о хайдабадском народе / нации / культуре.

Как мы хорошо знаем, когда в 1948 г. Индия стала полностью суверенным государством, территория первоначальной колонии была разделена на две части, и так возник Пакистан. Впоследствии Пакистан также был разделен, после чего возник Бангладеш. Все это никоим образом нельзя было предсказать в 1750–1850 гг. *A fortiori*, эти процессы не были predetermined историческим развитием до 1750 года. Относительная новизна этих разделений до сих пор побуждает некоторых утверждать об их «нелегитимности». Однако легитимность является следствием, среди прочего, существующей длительности данного состояния вещей. По мере удаления во времени, истинность «прошлого» становится все более и более неоспоримой, пока ход событий однажды, внезапно и драматически, а, главное, успешно, не поставит ее под сомнение, что всегда рано или поздно происходит.

Мой второй тезис состоит в том, что досовременная индийская история является изобретением современной Индии. Я не говорю, что ее никогда в действительности не было. Я предполагаю, что, учитывая встроенные процедуры контроля, сложившиеся в мировой историографии, мы вряд ли обнаружим в наших учебниках какие-либо утверждения, которые не были подкреплены убедительными доказательствами и фактами (*evidentiary basis*). Однако группировка этих утверждений в тот или иной интерпретативный нарратив не возникает сама по себе. Нельзя собрать «факты» и получить «историю» (“facts” do not add up to “history”). Историк создает историю таким же образом, как художник создает свою картину. Художник использует определенные краски из своей палитры и свое видение окружающего мира, чтобы представить свое «послание», и так же поступает историк. Точно так же, как

и художник, он имеет определенную свободу действий, которая, однако, не является полной, а обладает своими социальными ограничениями. Нарратив, который просто отражает причудливую психопатологию индивидуального автора, просто не будут читать и, что еще более важно, его не будут учить, в него нельзя поверить или вообще каким-либо образом использовать.

Нарративное изложение прошлых событий, которое создает историк, «интерпретирует» эти события в терминах долговременных непрерывных последовательностей или среднесрочных «конъюнктурно» (циклически) изменяющихся моделей. Мы, следовательно, говорим о том, что нечто, что мы называем Индией, имеет «культуру» или является продуктом культуры. Что это означает? Это означает, что Индия имеет или отражает определенное мировоззрение (или определенную комбинацию мировоззрений), обладает особым художественным стилем, является частью некоего языкового ареала, местом возникновения определенных религиозных движений и т. д.

Но что в свою очередь означают эти утверждения? Они ведь отнюдь не подразумевают (и никогда не собирались подразумевать), что каждый отдельный житель этой географической территории сейчас и с незапамятных времен разделяет эти культурные черты. Скорее, они пытаются отразить некоторые статистические параметры какого-то, обычно не уточняемого, периода времени. Но что это за параметр: усредненное значение, медианный показатель или просто наиболее вероятная характеристика? Поставив вопрос подобным образом, мы вызовем только усмешки. Однако такая постановка вопроса является свидетельством произвольности всех наших утверждений об индийской «культуре» (или чьей-либо «культуре» еще). Индийская культура есть то, что мы все коллективно утверждаем о ней. Но мы можем изменить наше мнение. Если через 50 лет мы определим индийскую историческую культуру иначе, чем мы определяем ее сегодня, это означает, что индийская культура фактически изменится и *в нашем прошлом*.

Так как мы пришли к открытию нынешней версии исторической культуры Индии? Широкими мазками ответ можно обрисовать таким образом. Европейцы вообще, и англичане в особенности, выдвинули те утверждения, в которые они сами верили или хотели верить. Индийцы, живя в своей «культуре», услышали эти утверждения, некоторые из них приняли, многие отвергнули, и в конечном итоге озвучили собственную альтернативную версию или даже несколько версий. Особо важное влияние на формирование этой версии, которая преобладала в период 1850–1950 годов, оказало индийское национально-освободительное движение. Сегодня уже правительство независимой Индии определяет то, какими должны быть школьные учебники, и в этом смысле оно заменило индийское национально-освободительное движение в качестве главного создателя (shaper) истории Индии. Индийские поэты, историки и социологи также пытаются участвовать в этом, и они, несомненно,

оказывают некоторое воздействие. Это воздействие, несомненно, оказывают миллионы людей из множества строго очерченных каст, когда они принимают решение переходить или не переходить в буддизм или ислам. Если достаточное количество их обратится, например, в буддизм, то тема последовательной непрерывной роли индийского буддизма будет опять неожиданно возникать в качестве общей интерпретативной нити индийской истории.

Мой третий тезис состоит в том, что хотя Индия и существует в настоящее время, никто не знает, будет ли она существовать через 200 лет в будущем. Возможно, Индия будет разделена на пять отдельных государств. Возможно, она опять включит в себя Пакистан и Бангладеш. Возможно, вся система суверенных государств, существующая в рамках нынешней межгосударственной системы, исчезнет. Любое из этих событий, если оно произойдет, трансформирует наше понимание прошлого. «Индия» может оказаться неким переходным или не очень важным понятием. Или оно может быть, наоборот, в значительной степени усилено в качестве обозначения устойчивой «цивилизации».

Не вызывает сомнения то, что, по крайней мере в нынешнее время, национализм вообще, и в особенности в Индии, является удивительно мощной культурной силой всемирного масштаба. Он выглядит сегодня сильнее, чем любой другой способ социального выражения или коллективной ментальности, хотя где-то в последние десять лет религиозное самосознание вновь проявило себя в качестве серьезного соперника национализму как движущей силы во многих частях земного шара. Однако национализм, с исторической точки зрения, является достаточно недавним понятием. В этом смысле он является продуктом современной мир-системы, причем достаточно поздним продуктом. Было бы очень трудно доказать, что национализм существовал до XIX столетия. Возможно, в XXI столетии он исчерпает себя, но это трудно предсказать с той или иной степенью уверенности. Это должно заставить нас быть осторожными как минимум в постулировании наличия общих продолжительных во времени характеристик «индийскости» как некой реальной социальной действительности.

Позвольте мне задать один последний вопрос. Как я уже сказал в начале, все, что я говорил об Индии с равным успехом может быть применено и к Пакистану, Англии, Бразилии или Китаю. Получается, что в Индии нет никакого своеобразия и ее случай не отличается никакой спецификой? Конечно, это отличие существует. Индия как конкретное образование отличается во множестве очень важных отношений от любого другого государства, нации, народа или цивилизации. Реальный социальный мир является сложным образованием, состоящим из чрезвычайно сложных групп и индивидов. Все является специфическим.

Однако мы можем подходить к этой специфике двояким образом. Или мы отступаем перед ней, и мир в этом случае предстает перед нами

как некий разноцветный и разноголосый беспорядок, или мы пытаемся объяснить ее. И в этом смысле специфика не возникает перед нами ниоткуда, Индия (т. е. Индия, которую мы наблюдаем сегодня) не просто существует «как есть» перед нами. Она является продуктом долгого исторического процесса, который имеет общие черты с другими сравнимыми случаями лишь на некоторых своих ключевых базовых уровнях.

Я здесь присутствую не для того, чтобы отрицать каким-либо образом историческую специфику Индии. Более того, полной целью социологического анализа, как я его вижу, является выход на конечный уровень исторической интерпретации конкретного. Скорее, моей целью является показать, что то, что включается в описание исторической специфики Индии, само является постоянно меняющимся, подвижным и текучим феноменом. Исторический фундамент, на котором мы все стоим, стабилен в той же степени, как оболочка земной коры над глубоким разломом. Возможность того или иного землетрясения нависает над нами как вездесущая повседневная угроза. Следовательно, Индия [пока] существует, по крайней мере в тот момент, когда я пишу этот текст.

Перевод с английского Александра Фисуна